

В этом году 20 апреля — редкий день, когда Пасха у православных, католиков и армян совпала. Но это ещё и феномен: на Ближнем Востоке, родине христианства, церковные праздники воспринимаются сегодня как некая конфессиональная экзотика, лишённая исторической и даже социальной ткани. И парадокс: турецкое издание "Ени шафак" пишет, что "христианство на Ближнем Востоке является религией с утраченной историей", потому что в исполнении западных исследователей христианская церковная история ранних веков ограничивается территорией только древней Европы почти без упоминания христианской традиции восточных Церквей. "Римская империя, в которой возникло христианство, простиралась далеко за пределы Европы, а её богатейшие провинции находились на Ближнем Востоке и в Северной Африке, — пишет газета. — К V веку христианство имело пять великих патриархов, и только один из них, Римский, находился в Европе. Александрийский патриархат располагался на африканском континенте, а три других (Константинополь, Антиохия и Иерусалим) — в Азии. После падения Римской империи на Западе христианство в основном сохранило свои культурные и интеллектуальные традиции в Восточной империи, в Малой Азии, Сирии и Египте". Газета также отмечает, что "Запад не считает христиан на Ближнем Востоке полноценными людьми, а на Ближнем Востоке утверждают, что западный империализм на протяжении десятилетий кромсал регион с христианскими знамёнами". В итоге, как говорит пастор лютеранской церкви доктор Монтер Исаак: "Если бы Иисус воскрес сегодня, он бы появился на свет под завалами, как беженец в семье, живущей под оккупацией". Мы к тому, что палестинская проблема как источник и главная составляющая длительного и трудноразрешимого арабо-израильского конфликта воспринимается исключительно в контексте противостояния евреев с арабами преимущественно в исламской оболочке, без учёта христианского фактора. И вновь возникает ещё один феномен: эксперты стали рассматривать ближневосточный конфликт уже не как арабо-израильское противоборство, а как часть широкой зоны региональной турбулентности с перспективой реанимации христианского фактора. В этой связи ни один эксперт не может объяснить причины гонений на христиан на Ближнем Востоке со стороны самых разных радикальных исламистских сил. Так, ещё в начале XX века христиане на Ближнем Востоке составляли 25% от общего числа населения региона, а сегодня их менее 1%. Сразу после Второй мировой войны в Вифлееме (что же может быть святее) было более 80% христиан, а

сейчас осталось менее 12%. В Иерусалиме вместо некогда 52% христианского населения осталось менее 2%. То же самое в Назарете. Таких исходов христианства и физических, и духовных из Святых Земель прежде не было. И это произошло тогда, когда ни в одной из стран региона христиане не выступали в роли потенциального государствообразующего элемента и не претендовали на господство своей идеологии. Это первое. Второе: всё более очевидной становится взаимосвязь между волной дехристианизации на Западе и гонениями христиан на Ближнем Востоке. Понятно, что это связано со становлением новой социальной реальности. Но можно ли считать, что этот процесс приобретает или уже приобрёл необратимый характер и связан с проектами полной ликвидации

который и сейчас называют по-старому — Пера. В XX веке на судьбу ливанских христиан повлияли две мировые войны. По итогам Первой мировой войны Франция инициировала создание территории "Великий Ливан", а в 1943 году Париж предоставил независимость Ливану, после чего произошло конфессиональное распределение власти. Но идея создания христианского государства не была уничтожена. Более того, сейчас Израиль "разводит" маронитов, несущую конструкцию христианства в Ливане, и друзей, продвигая проект создания государства друзей на территории Сирии. Вот почему у этих сил исчезает враждебность к Израилю. Многие молодые христиане в Израиле стали отказываться уже не только от палестинской самоидентификации, но и от арабской, утверждая, что являются не араба-

циональных реалиях конфессиональной карты, хотя в регионе, где религия очень тесно смешана с политикой, рассуждать и действовать на этом направлении — значит ходить по острию бритвы. Так вычлениются сразу несколько проблем: необратимы или обратимы процессы возвращения христиан на Ближний Восток, и кто будет (и будет ли) защищать христиан в этом регионе. По оценке немецкого издания "Вельт", "Ближний Восток проходит четвёртую фазу своего развития, если первыми тремя считать арабские завоевания VII века, завоевание Константинополя османами в 1453 году и распад Османской империи в 1918–1923-х годах". Последняя из этих фаз привела к резкому изменению геополитической ситуации на Ближнем Востоке, хотя восточные христиане смогли выжить, несмотря на то, что, как подчёркивает "Вельт", "третья фаза накануне и в ходе Первой мировой войны привела к геноциду армян и арамейцев на территории сегодняшних Турции, Сирии и Ирака", когда было убито свыше миллиона христиан. В ходе греко-турецкого обмена населением в соответствии с Лозаннским мирным договором 1923 года Малая Азия и Понт потеряли ещё порядка 1,5 миллиона православных, чьи предки жили там ещё с античных времён. Но к чему приведёт нынешняя "четвёртая фаза"? Российский эксперт по проблемам христианства Станислав Стремидловский полагает, что "Ближний Восток вводится в период внешнего модернистского проекта, состоящего из двух этапов: исламский, затем христианский, в основе которых заложены процессы формирования новой идентичности на основе религиозных ценностей". Первый призван обеспечить смену "авторитарных светских" режимов, которые дискредитировали бы себя преследованиями религиозных и этнических меньшинств. Второй ориентирован на приход к власти сначала в отдельных странах ближневосточных христианских общин с "принципами демократии европейского типа".

Махмуду II, которого атаковал поддерживаемый Парижем мятежный наместник Египта Мегмет-Али. Император делал крупную ставку на обращение султана в христианство, что привело бы к опоре последнего на христианское большинство Османской империи и соответствующей геополитической переориентации. Посланник Николай в Константинополе, генерал Николай Муравьев-Карский писал в донесении: "Я ещё хотел сообщить тебе одну вещь, которую ты должен хранить в большой тайне: когда у меня был после войны с посольством Галиль-паша, мне казалось из слов его, что султан склонен к принятию в случае крайности христианской веры". Но "православный проект" на Ближнем Востоке похоронила Крымская война, в которой сомкнулись интересы Османской империи и европейских держав.

Сегодня вперёд выдвигается Ватикан в роли активного защитника христианства на Ближнем Востоке. Он считает возможным частичную интеграцию иранского шиизма с ближневосточным христианством. В свою очередь британская католическая газета "Католик геральд" уверяет, что "главным защитником (и куратором) христиан на Ближнем Востоке может стать король Англии Карл III". По мнению издания, у "короля это новая одержимость, а союз Лондон — Ватикан — Тегеран на Ближнем Востоке может перехватить инициативу у альтернативных христианских модернистских проектов". Также предполагается, что "создание христианского волнореза на Ближнем Востоке" необходимо, чтобы "сузить геополитическое пространство для исламистских радикалов". Правда, при этом никто не указывает, где географически может проходить первая линия в противостоянии "ислам — христианство". Возможно, в Сирии. И тогда геополитическая трансформация этой страны станет неизбежной. По этому поводу есть заявления и экспертные суждения, но нет других сценариев действий. Всё находится в динамике, и состояние межконфессиональной ситуации на Ближнем Востоке во многом зависит от будущих и, видимо, неизбежных важных решений. Глава МИД России Сергей Лавров уже предостерегает США и их союзников от разыгрывания религиозно-конфессиональной карты в Сирии. Главное в том, чтобы христиане и мусульмане не стали в очередной раз разменной монетой в "большой игре".

Станислав ТАРАСОВ

* Сайт газеты заблокирован в РФ за публикацию недостоверной и общественно опасной информации

ВТОРАЯ торговая война США: Китай набирает обороты. Уже есть вполне конкретные физические жертвы. Буквально на днях директор одной из крупнейших текстильных компаний Китая "Жэцзян голден айдиа текстил технолоджиз" выпрыгнул из окна 28-го этажа. Официальная причина — депрессия на фоне проблем в бизнесе, в частности — из-за возможных убытков от тарифных ограничений. Конечно, маловероятно, что администрация Дональда Трампа нацелена на массовую ликвидацию топ-менеджмента китайских гигантов. Скорее, наоборот, действия США по развязыванию многочисленных торговых конфликтов — мера защитная, в какой-то степени вынужденная. Она крайне необходима для спасения тех остатков американского бизнеса, которым пока ещё удалось выжить в конкуренции с азиатскими производителями.

Официальный лозунг США сейчас: "Америка возвращает себе справедливость". Неофициальный — "Америка меняет правила глобальной торговли, потому что больше от них не выигрывает". Ещё в начале 2000-х годов стало ясно, что мировой порядок, созданный США, дал трещину. Америка оказалась в

Всемирный банк, ВТО. Доллар утвердился как главная мировая резервная валюта. А либерализация торговли стала неким универсальным лекарством от всех болезней, особенно часто этим лекарством пичкали страны Восточной Европы, в том числе и Россию. Америка насаждала свои правила торговли, жестоко следила за их выполнением, наказывала непослушных. За фасадом красивых терминов и призывов разделять "общие либеральные экономические ценности" нередко скрывался суровый прагматизм. США получали доступ к дешёвым товарам, человеческому капиталу, внешним рынкам и даже долговому финансированию (сколько стран держали и держат свои золотовалютные резервы в госдолге США!).

Точкой бифуркации стал 2001 год. В ВТО вступил Китай, который искусно на-

2024 году производство металла достигло ни много ни мало 1 млрд тонн. Сопоставимые темпы роста демонстрировали и другие стратегически важные отрасли китайской промышленности. В итоге вокруг китайских фабрик и заводов выстроились новые производственные цепочки, и даже американские компании стали массово переносить производства в Азию, оптимизируя прибыль. Средний Запад — сердце индустриальной Америки — начал приходить в упадок. Города вроде Детройта, символы былого экономического могущества, постепенно превращались в депрессивные зоны. Глобализация, задуманная изначально для обогащения американских корпораций, обернулась тем, что Китай превратился в центр мирового промышленного производства, аккумулировал наукоёмкие технологии. Экономист Ричард Вольф называет этот процесс "глобальной иронией",

Дональд Трамп. И эти выборы озаменовали начало новой экономической эпохи — эпохи консервативного протекционизма. На смену либеральной глобализации пришли другие приоритеты: возвращение в США промышленных производств, стратегическая автономия, защита внутренних отраслей и рынков. Вновь избранный на второй срок Дональд Трамп делает ставку на жёсткий пересмотр глобальных соглашений и попытку перезапуска американской бизнес-машины.

Во многом команда Трампа действует рационально. Деиндустриализация действительно стала угрозой национальной безопасности и серьёзной стратегической проблемой. Мастер-план МАГА основывается на восстановлении ключевых отраслей, таких как энергетика, оборона и высокие технологии. Жваый пояс — индустриальные регионы, которые, кстати, поддержали

вот предлагают всем странам — держателям государственных облигаций США в той или иной форме платить комиссию.

Стивен Миран — профессорный экономист. В ноябре 2024 года он опубликовал программный доклад "Руководство для пользователей по реструктуризации мировой торговой системы", в котором подробно описаны действия по изменению системы глобальной торговли. Удивительно, но положительное восприятие тарифов Стивеном Мираном напрямую противоречит распространённому в США экономическому консенсусу, который отрицательно оценивает любые торговые ограничения, так же, как и любые другие ограничения свободной конкуренции. При этом Стивен Миран использует один достаточно веский аргумент. По его мнению, большинство тарифных моделей не учитывают торговый дефицит, что вполне правдоподобно.

снизит долговую нагрузку для государства США. Тем более что убытки от реструктуризации лягут на плечи несчастных держателей, в том числе крупнейших, таких как Япония и Китай.

Ну и, наконец, четвёртый фактор — новая конфигурация глобальной торговли с учётом всех рисков безопасности. Доступ к американскому рынку для дружественных компаний и стран предлагается увязать с участием в оборонных инициативах США, усиливая влияние страны на международной арене.

Сейчас сложно утверждать, когда и в каком виде будет подготовлено Соглашение Мар-а-Лаго. Войдёт ли этот документ в историю как аналог Бреттон-Вудского соглашения 1944 года или как "Плаза Аккорд" 1985 года, когда Япония, США и европейские страны собрались вместе, чтобы коллективно повысить стоимость иены и европейских валют по отношению к доллару. Очевидно лишь одно: экономическая политика Трампа и его команды не является частью эксцентричного или хаотичного процесса управления. Это продуманная стратегия, основанная на рациональных предположках и учитывающая элементарную экономическую логику. Это тот самый комплекс мер, который должен помочь выжить экономике в рамках крайне недружелюбной для США глобальной модели с лидирующим Китаем.

Итоговая цель — взрастить новый технологичный "американский капитализм" и переписать правила глобальной торговли. По задумке Минфина и торговых советников США, процесс может быть крайне болезненным, страна постепенно будет изолироваться, усиливая контроль за внешней торговлей. Но по итогу американский бизнес должен выжить — с обновлённой промышленной базой, готовой к использованию ИИ, больших данных. Будет ли это быстрым процессом? Маловероятно. На фоне введения новых пошлин жителям США стоит готовиться к нелёгким временам и сокращать расходы. Дональд Трамп в своей социальной сети так и предупредил: "Это экономическая революция, и мы победим. Держитесь крепче, хотя будет нелегко, но конечный результат станет историческим".

Кому может быть выгодна подобная революция в США? Точно не России. Зависимость от доллара, открытые границы, инвестирование в американский государственный долг за все последние 35 лет не принесли стране ничего хорошего. Закрепившееся за Россией в международном разделении труда место поставщика и производителя самых грубых видов сырьевой продукции уже сейчас недопустимо. Оно приводит к деградации нашего промышленного, научного потенциала, к оттоку мозгов и капитала. Поэтому, конечно, любой негативный для США сценарий даст России шанс на экономическую самостоятельность. Потеря статуса доллара как мировой резервной валюты была бы особенно кстати. Именно доллар давал США мощное экономическое преимущество, позволяя заимствовать деньги с низкими процентными ставками на международных рынках. Ослабление доллара, высокая инфляция, обрушение пирамиды американского госдолга — вот те факторы, которые могли бы помочь России достичь настоящей экономической независимости.

Алексей ГОНЧАРОВ

роли догоняющего, проигрывая конкуренцию Китаю по многим направлениям. "Модель глобализации устарела. Нам нужна торговля, которая служит американским интересам", — это цитата Питера Наварро, бывшего директора Национального торгового совета. Наварро, как и многие представители американского истеблишмента, убеждён, что глобальная торговая система больше не работает на США. А прежняя вера в волшебную силу свободного рынка обернулась для самих американцев ловушкой.

После распада Советского Союза в 1991 году, когда однопольярный мир стал реальностью, США оказались в уникальном статусе управляющих глобальной экономической системой — правильное сказать, в статусе "мирового полицейского". Им подчинялись ключевые наднациональные структуры — МВФ,

чал использовать американские правила для быстрой индустриализации, масштабных инфраструктурных инвестиций. На первый взгляд, это был период триумфа глобализации — миллионы новых рабочих рук, дешёвое производство, потенциально открывающийся китайский рынок, возможность переноса в Китай всех устаревших и вредных производственных мощностей. Вашингтон действительно надеялся, что Пекин скромно интегрируется в американскую систему и будет благодарен "мировому полицейскому" за кусочек глобального пирога. Однако США получили не нового экономического вассала, а сильнейшего конкурента.

Индустриализация в КНР проходила стремительными темпами. Один из индикативных показателей — производство стали. Если в 2000 году Китай производил 127 млн тонн стали, то в

прогнозируя скорый закат влияния США в Юго-Восточной Азии и ожидая серьёзного кризиса американской экономики.

Объективности ради стоит признать, что в период президентства Джо Байдена пытались разогнать сгустившиеся над американским бизнесом тучи. Командой демократов были приняты меры по субсидированию приоритетных отраслей. В США началось строительство новых фабрик и заводов. Однако, как отмечают экономисты, эта модель оказалась крайне неустойчивой: масштабные субсидии усугубили бюджетный дефицит и даже поставили под сомнение платёжеспособность самого американского государства. Реформировать промышленность и продолжать торговать по старым либеральным правилам не получилось.

А дальше были выборы 2024 года, победу в которых одержал

ТАРИФНЫЙ ПЛАН ТРАМПА

Глобальная торговая система больше не работает на США